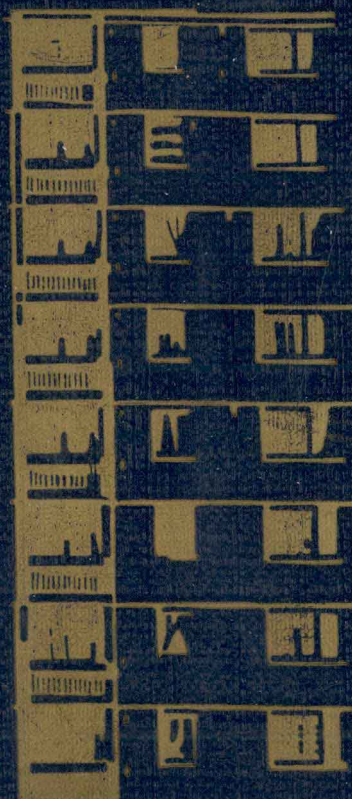

АРКАДИЙ САХНИН

ЧУЖИЕ
ЛЮДИ

Сахнин А. Я.
С 22 Чужие люди: Повести, очерки.— М.: Советский писатель, 1986.— 480 стр.

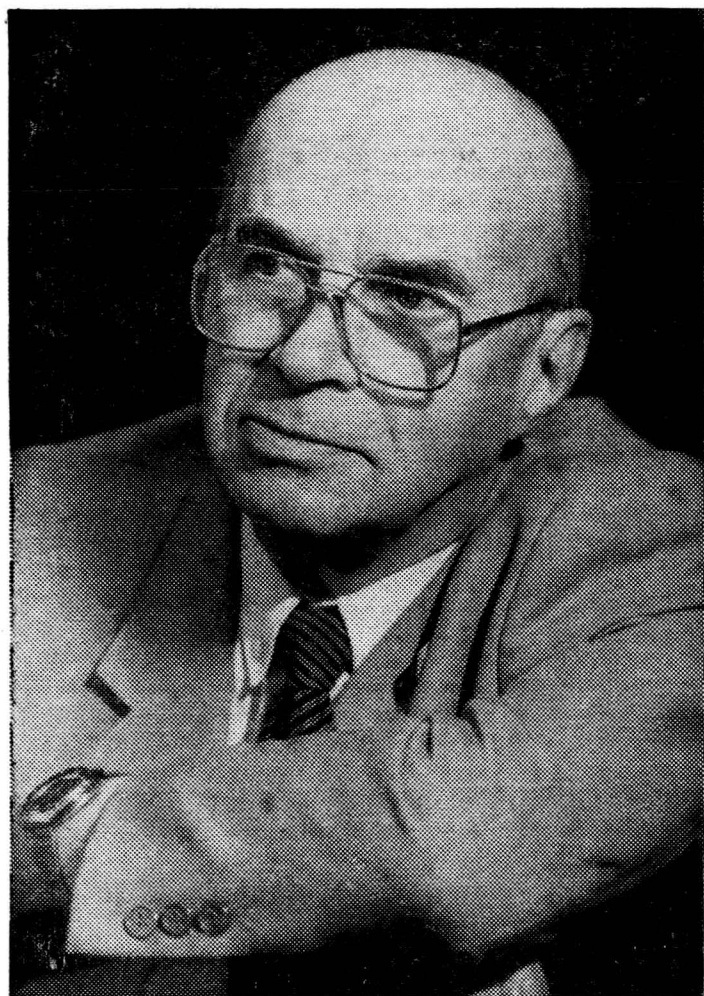
В книгу А. Сахнина вошли произведения, повествующие о героизме рабочего класса, о подвигах советских воинов в мирное время, повести, посвященные острым вопросам идеологической борьбы.

4702010200—267
С _____ 134—86
083(02)—86

ББК 84. Р7

АРКАДИЙ САХНИН

ЧУЖИЕ ЛЮДИ

АРКАДИИ САХНИН

ЧУЖИЕ
ЛЮДИ

ПОВЕСТИ
И ОЧЕРКИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

ББК 84 Р7
С 22

Художник
ВАСИЛИЙ ТЕРЕЩЕНКО

4702010200—267
С ————— 134—86
083(02)—86

© Издательство «Советский писатель», 1986 г.

ПОВЕСТИ

Заседание бюро обкома партии проходило бурно. Заканчивалось в полном молчании. За массивным, во всю длину зала, столом, вокруг которого собралось человек тридцать, царила противоестественная тишина. Одни смотрели вниз, точно боясь поднять голову, другие как бы украдкой поглядывали на покрасневшее от возбуждения лицо совершенно растерянного человека. Он озибался, и глаза его, полные отчаяния, останавливались то на одном, то на другом, будто моля о помощи.

Но каждый, на кого бы он ни смотрел, отводил взгляд. Люди молчали.

— Но это же чудовищное недоразумение, — проговорил он наконец, едва произнося слова. — Наваждение какое-то. .

Поднялся первый секретарь обкома Владимир Михайлович Званов. Сказал спокойно и твердо:

— Еще раз прошу вас сдать партийный билет. Вы видели — решение принято единогласно. — И обернулся в сторону председателя парткомиссии: — Товарищ Чугунов...

Чугунов подошел к исключенному, и тот медленно достал из бокового кармана бумажник. Медленно вытаскивал партбилет.

Маленькая книжечка в сафьяновой обложке. Никогда не приходило в голову рассматривать ее. Хранить — да, хранил бережно, в служебном сейфе. Когда надо было идти в обком или другие партийные органы, брал с собой и предъявлял у входа не раскрывая. Платя взносы, тоже не рассматривал ее, секретарь парторганизации сам находил нужную страничку, проставлял сумму заработка за месяц, сумму взноса, расписывался и ставил маленький фиолетовый штампик. Каждый месяц — штампик. На каждой страничке двенадцать штампиков. Каждая страничка — год. Год жизни.

Он листает странички. Год за годом перед глазами проходит жизнь. Сколько же секретарей сменилось за последнее десятилетие? И суммы заработка... Нет, это не бухгалтерские цифры. По ним видно, какие должности

на протяжении многих лет он занимал, видно, как поднимался на новые высоты. И вот — последняя. Последняя высота. Взглянуть — голова закружится. Как не сознавал этого раньше... И страничка последняя. Последняя заполненная. А дальше — свободные, чистые, только разграфленные: «Сумма заработка за месяц», «Сумма взноса», «Подпись секретаря» и двенадцать чистых строчек. Никто больше не станет их заполнять, никто не поставит штампика...

Он листает чистые странички. Вот и чистые кончились. Дальше — обложка. Больше ничего нет. Кончился партбилет. Кончилась жизнь...

Точно не решаясь потревожить человека в столь трагическую минуту и все-таки поторапливая его, Чугунов кашлянул. А тот, на мгновение подняв ничего не видящие глаза, снова уставился в партбилет, начал медленно извлекать его из сафьяновой обложки.

Едва ли дорожил ею, скорее помимо воли тянул время. Не было мочи так просто взять и своими руками отдать партийный билет. Отдать навсегда. Кто-то перечеркнет черной тушью первую страничку, линия пройдет и через его лицо на фотографии, и поставят последний штамп. Большой жирный штамп: «Аннулирован». Это он аннулирован, перечеркнут, вычеркнут из жизни. Точно так аннулируется партийный билет, когда человек умирает.

И в гнетущем безмолвии зала в полную силу загремел голос, только что звучавший так беспомощно и жалко. Вскинув голову, уставившись на секретаря обкома, выкрикнул:

— А вы мне его давали?! — Кровь прилила к лицу, вздулись на шее жилы, заходили желваки. Гневом засверкали глаза. — Вы мне его давали, я спрашиваю! Я в бою его получил, кровью своей оплатил! Не отдам!

2

Кто может угадать, когда над головой нависнет беда? Сергей Александрович Крылов приехал в крупный областной центр Лучанск в отличном настроении. Запер свой маленький чемодан в камере хранения, набрав на цифровом замке номер своего автомобиля — зачем придумывать, записывать или, того хуже, держать в голове цифры, если только один раз в жизни они и потребуются.

Вышел на вокзальную площадь и зашагал широко, размахисто. У него крупное, грубоватое лицо, изрядное место отвоевала себе седина в его красивых, волнами волосах, но крепок, подтянут, строен. И не скажешь, что далеко не молод человек, что в теле его три осколка, а на ногах глубокие рваные шрамы, оставленные войной.

Инженер-механик по образованию, он ни одного дня не работал по специальности. В тридцатые годы учился в индустриальном институте. Ему это было неинтересно. Учиться там престижно, потому и поступил. Гуманитарные профессии в ту пору не почитались, да и не очень они его прельщали. Он сам не знал, чего хотел. Ничего не хотел.

Стипендии на жизнь не хватало. Отца не было, и помощи ждать было неоткуда. Некоторые студенты с его курса подрабатывали в железнодорожных пакгаузах, таская тяжелые мешки. Это ему не подходило. Наиболее предприимчивые однокашники нашли заработок на кондитерской фабрике — грузили ящики с печеньем. Работа полегче, да и выгодней. Выносить печенье не удавалось, зато наедались им до тошноты. Он не оказался в числе предприимчивых. Посчастливилось устроиться на подсобные работы в редакции отраслевой газеты. Посчастливилось... Уж лучше бы таскать мешки... Проверь, действительно ли в таком-то общежитии непролазная грязь... Поезжай на завод, установи, за что уволили счетовода... Узнай, почему трамвай сошел с рельсов...

Проверь, установи, узнай, сверь цитаты, а этот, как барин, сядет и по готовому материалу напишет статью. Как же, известный журналист... черновой работой брезгует, да еще и издевается: «Как отчество Татьяны Лариной?» Откуда ему знать, как ее отчество! Пушкин называл только Татьяной, иногда прибавлял фамилию. И ни разу по отчеству.

Разыгрывали его часто, а он совершенно не мог держать удар, не знал, как отвечать, обижался. Обиды накапливались. Даже некоторые задания стали казаться обидными, чуть ли не унижительными... Ну, ничего, настанет и его время... Какое время? Что настанет? Настанет, и все.

Написать заметку ему никто не поручал. Однажды увидел, как грубо оскорбили старую женщину, и решил выступить в ее защиту. Писал долго, стараясь представить себя на месте пострадавшей, все полнее ощущая ее

боль и беспомощность, и это уже становилось его собственной болью, его личным оскорблением, щемящим сердце. Он словно изливал негодование за свои собственные унижения, какими казались ему многие задания редакции и невинные розыгрыши.

В его заметке не было громких слов, казалось, написана она бесстрастно, но так, что вызывала гнев читателей против нравственных уродов. Ее опубликовали без правки и сокращений и высоко оценили на редакционной летучке.

В тот день впервые в жизни он испытал счастье. Целую неделю, приходя в студенческое общежитие, доставал из тумбочки газету, настороженно поглядывая на дверь — как бы не вошел кто-либо из ребят, и любовался заметкой, подолгу останавливал взгляд на своей фамилии, набранной жирным шрифтом.

Заметка изменила его жизнь. Будто после мокрой и скользкой глинистой дороги выбрался на асфальт. Еще любясь первым своим творением, думал о новом, искал тему. Теперь поручения редакции не казались обидными, хотя по-прежнему интереса не вызывали. Ну что ж, таскать мешки тоже радости мало. Но что поделаешь — надо. Откуда что взялось, — на подковырки газетных острословов находил достойный ответ, и уже не всякий решался подшучивать над ним. Вскоре появилось его второе, тоже заметное выступление в газете.

Так началась его журналистская жизнь. Институт заканчивал экстерном, уже числясь в штате редакции, и на всю жизнь остался верен своей новой профессии, за исключением небольшого периода в самом начале войны.

В ту пору двадцатипятилетний, но уже с определенным опытом, он работал в ТАССе. В армию его не взяли — выдали брönю. И вот однажды срочно вызвали в райком партии. Кроме первого секретаря райкома в кабинете находился незнакомый человек в железнодорожной форме. После первых ничего не значащих слов о том, как идут дела, хозяин кабинета спросил Крылова, кто он по профессии. Вопрос удивил. Секретарь райкома хорошо знал его, знал, где и кем работает. К чему этот вопрос?

— Журналист... — растерянно сказал Крылов, — но по образованию...

— Нет, — прервал секретарь, — до института кем вы работали?

— Слесарем в депо, потом на паровозе...

— Вот-вот,— снова не дал ему договорить секретарь.— Понимаете, в Западном депо не хватает помощников машиниста, некому снаряды возить...

Крылов с облегчением вздохнул. Это хоть как-то смягчало угрызения совести: молодой, здоровый, сильный ворошиловский стрелок сидит за письменным столом в огромном здании, где почти не осталось молодежи, среди женщин, стариков и инвалидов, когда идет война.

Оставив записку главному редактору, он ушел в депо. Не станут же считать его дезертиром.

Три месяца, часто под бомбежками, водил поезда с военной техникой, боеприпасами и войсками. А потом прибыли из Белоруссии эвакуированные паровозники, и нужда в нем отпала. Пошел в военкомат. Сказали, взять не могут, поскольку на него брöня. Ему ничего не оставалось как вернуться на прежнее место работы. По дороге домой случайно встретил бывшего ответственного секретаря редакции отраслевой газеты, где начинал еще студентом, а ныне редактора фронтовой газеты, и тот забрал его в свою редакцию, надлежащим образом все оформив через военкомат.

С тех пор прошло больше трех десятилетий. Теперь номера газет, где печатались выступления Крылова, переходили из рук в руки, вызывали горячие споры, не утихавшие по несколько дней, порой оставляя след на годы. Ему не раз приходилось писать о людских пороках, он получал удовлетворение, развенчивая недостойных, но подлинную радость обретал, лишь раскрывая характеры сильные, цельные, показывая людей мужественных и талантливых.

К одному из таких людей Сергей Александрович и приехал в Лучанск. Написать о нем, вернее, о таком человеке, предложил сам.

Каждый раз, когда предстояло выпустить газету, посвященную знаменательной дате, главный редактор Герман Трофимович Удалов собирал сотрудников, которых как-то в шутку называл мозговым центром. Выражение прижилось, к нему привыкли, и оно уже не воспринималось иронически. На совещания мозгового центра приглашались сотрудники газеты не в зависимости от рангов или занимаемых должностей, а только особо инициативные, способные к выдумке, дававшие волю полету своей фантазии.

Решался там всегда только один вопрос — как лучше,

оригинальнее, интереснее выпустить данный номер газеты. Собрание не имело распорядка, регламента, не велся протокол, и разговор шел, как кто-то выразился, «в порядке бреда». Каждый говорил то, что приходило в голову. Даже самые нелепые предложения не осуждались, не высмеивались, их просто отвергали.

На последнем собрании мозгового центра, посвященном Дню Победы, Крылов предложил рассказать о герое войны, прежде человеке ничем не примечательном, но в боях проявившем не только мужество, но и изобретательность, незаурядные способности и талант организатора. Показать, как эти качества, раскрывшиеся в боевой обстановке, получили дальнейшее развитие на ответственном руководящем посту, который доверен ему сегодня.

Предложение приняли.

Начальник одного из крупнейших в стране главков Артем Савельевич Ремизов, к которому обратился Крылов, назвал кандидатуру в высшей степени подходящую. Непревзойденного героизма командир танкового взвода громил живую силу и технику врага, порой врываясь в его тылы. В одном из боев попал в окружение. Ему удалось скрыться в глухом лесу на оккупированной территории. Вскоре организовал партизанский отряд и снова громил врага. В настоящее время — генеральный директор крупного производственного объединения, из года в год перевыполняющего планы.

О лучшей кандидатуре и не мечталось. Именно о таком человеке хотелось написать, тем более человеку с такой фамилией.

Крылов придавал значение фамилии. Хорошо понимал абсурдность этого, тем не менее порой ему даже трудно было писать о герое, если у того была, как он выражался, сюсюкающая или рыхлая фамилия.

А тут сразу — Гулыга! Петр Елизарович Гулыга. Нет, не может иметь такую фамилию хлюпик или трус. Что-то мужественное, решительное почувствовал в ней Крылов.

И вот сейчас ему предстояло встретиться в Гулыгой. Каков он? Собственно говоря, Сергей Александрович уже довольно много о нем знал. По давно укоренившейся привычке беседовал с героем будущего очерка в последнюю очередь, уже после того, как заканчивал сбор материалов о нем. Так и поступил. Прежде всего отправился в места,

где когда-то партизанил Гулыга. А приехав в районный центр Липань, с благодарностью вспомнил слова Ремизова: «Человек очень скромный и ничего вам о себе не расскажет. Советую побывать в районном Музее боевой славы. А данные о его сегодняшней работе получите у нас».

Действительно, в липаньском музее была довольно широко отражена деятельность Петра Елизаровича во время войны. Здесь же экспонировалась книга его воспоминаний. Крылов с опаской прикоснулся к первым страницам — боялся разбить уже сложившийся в душе образ человека о его авторское «я», отлитое из словесной бронзы. Но, слава богу, автор провел Сергея Александровича по своим военным дорогам достойно, не опускаясь до мелкой человеческой слабости, даже наоборот, пряча свою главенствующую роль в танковых атаках и позднее в дерзких партизанских вылазках. Но, помимо воли автора, в сознании все-таки возникал и его героический облик.

В Крылове сочетались два, казалось бы, несовместимых качества. Будучи человеком широким, не очень организованным, порой бесшабашным, а главное, доверчивым, он, когда собирался писать о ком-то, становился до мелочей скрупулезным и придирчивым. Точно не веря самому себе, каждый факт, каждую деталь проверял по нескольку раз, пользуясь разными источниками.

Уже досконально зная биографию Петра Елизаровича, пошел в райком партии, спросил, нет ли у районного комитета возражений против публикации очерка о Гулыге. Первый секретарь райкома Степан Андреевич Исаев победно взглянул на него:

— На таких, как Гулыга, земля наша держится. Давно пора.

В самом лучшем настроении Крылов и приехал в Лучанск. Предстоящей встрече он придавал большое значение. В голове уже выстраивался очерк, но чего-то не хватало. Личного обаяния героя, что ли.

3

Как и в каждом городе, куда попадал впервые, с вокзала пошел пешком. Для апреля было холодновато, хотя и солнечно. Шел без головного убора, с расстегнутым воротом, любуясь красивыми магистралями и многоэтажными домами. Похоже, весь город был новым. Так и по-

думал бы Сергей Александрович, не зная он, что стоит на Руси тот город уже столетия. Видно, не много от него осталось после войны.

Пешеходы, одетые уже легко, по-весеннему, торопились на работу. Один за другим подходили автобусы и троллейбусы, поглощая на остановках пассажиров. Разворачивался на площади огромный «Икарус». «Наверное, за ними», — подумал Крылов, глядя на большую группу туристов у гостиницы «Центральная».

Сергей Александрович, ориентируясь по карте города, купленной на вокзале, без труда отыскал нужную улицу и большое здание управления. Он страшно не любил останавливать пешеходов и лезть к ним с расспросами.

В просторной приемной сидело несколько человек. У входа в кабинет Гулыги — респектабельная секретарша.

К секретаршам у Крылова было свое отношение — настороженное, недоверчивое. Порой бездумно, точно щитом прикрывают они своих шефов, ограждая их от посетителей и телефонов. Непрístupный вид, непроницаемое лицо, холодные глаза: «Занят... не скоро... не знаю... звоните». Набор одинаковых фраз на все случаи жизни. Такую не проймают ни просьбы, ни мольбы, ни угрозы. Первая мысль, которая овладевает ею при виде посетителя, — как бы побыстрее от него избавиться.

Насмотрелся Крылов на таких секретарш, ох как насмотрелся. Знал он и другое. Умная, добросовестная секретарша без ущерба для дела и интересов людей неизмеримо облегчает работу руководителя. По первым же фразам посетителя безошибочно определит, с кем имеет дело. Этот — просто сутяга, и надо выставить его немедленно. У второго — вопрос пустяковый, вполне может решить не только шеф, а вот у этого действительно важное дело, и надо улучшить минуту, точно определить, когда удобнее руководителю принять его.

Ответив на приветствие Крылова, секретарша — звали ее Анна Константиновна — окинула его оценивающим взглядом.

— Петр Елизарович у себя?

— Да, но сейчас он занят. Вы по какому вопросу?

— Как вам сказать?... У меня много вопросов.

— Возможно, проще непосредственно к исполнителю или...

— Нет, лично к нему.

Раздался негромкий звонок.

— Извините, минутку, — и, чуть приоткрыв дверь кабинета, скрылась за ней. А он не привык стоять перед закрытой дверью. Решительно распахнул ее, уверенно шагнул.

Просторный, строго обставленный кабинет. Вдоль стен и за длинным столом заседаний — стулья.

Гулыге лет шестьдесят, довольно солидная комплекция. Умное, волевое лицо, добрые глаза. Крылов вошел в тот момент, когда раздался телефонный звонок, и Гулыга, не обратив на него внимания, поднял трубку:

— Слушаю.

Анна Константиновна, возмущенно взглянув на Крылова, быстро направилась навстречу. А он так и остался стоять у двери и, выслушав упреки и ее просьбу покинуть кабинет, ничего не ответив, сел на ближайший стул — куда я отсюда не пойду. Она продолжала что-то говорить шепотом, но Крылов не слушал ее.

— Как же так! — строго выговаривал кому-то Гулыга. — Три года Чумаков обивает у вас пороги, а вы хоть бы что. Вы же обязаны сделать у него ремонт... А ему фонды спускали, когда он замерзал в партизанских лесах? — горячился генеральный директор. — А выделяли ему дополнительные фонды крови, когда он проливал ее за родину? А вы... Эх вы, какой-то несчастный десяток досок... Тем более, если развалюха. Да как вы не понимаете, черт возьми, — резко повернулся он на стуле. — Ветеран войны, партизан — и в развалюхе. Да это же не ремонтно-строительный вопрос — политический. Когда вы наконец поймете это?.. Понятно... — Голос стал спокойным, мягким. — Понятно... А как с моей пристройкой?

Крылов с интересом слушал, сидя у двери. Потеряв надежду выставить его и лишенная возможности апеллировать к кому-либо, точно страж, встала возле него секретарша.

— Понятно... — еще раз протянул Гулыга безразличным тоном. И вдруг загремел: — Так вот! Обе бригады посылайте с утра не ко мне, а к Чумакову. А сегодня, вы меня слышите, сегодня все материалы до последнего кирпича, до последней доски перевезите с моего участка к нему. Чтобы, как вы выражаетесь, фронт работы был обеспечен с утра. Ясно? И пока не закончите ремонт у Чумакова, вы слышите, пока не уберут у него строительный мусор — ни одного человека ко мне. Ясно? — И в сердцах бросил